

ВРЕМЯ

Z

Александр ПЕРЕСВЕТ

СЫН ЗА ОТЦА ОТВЕЧАЕТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

П27

Серия «Время Z»

Дизайн обложки *Владимира Ноздрина*

Фотоматериалы предоставлены автором

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Пересвет, Александр

П27 Сын от отца отвечает : очерки и рассказы / Александр Пересвет. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Время Z).

ISBN 978-5-17-163298-4

Нынешняя спецоперация России на Украине постепенно приняла характер войны цивилизаций. Независимо от того, кто на каждый конкретный момент одерживает успехи на поле боя в степях, лесах и городах Украины, судьба цивилизаций решается на высоком историческом уровне. И это — надолго. Ибо это — война на выживание. Победитель получает всё. Проигравший всё теряет.

И именно в такое время принципиально важно понять даже не то, откуда взялась и как началась эта война, а то, почему она разразилась на территории некогда общей страны некогда единого народа, сыны которого ныне ожесточённо сражаются друг с другом.

Почему так? Откуда к нам пришло именно такое противостояние? Эта книга даёт один из главнейших ответов на этот вопрос: корни СВО лежат глубоко в истории, но людей развели по разные стороны события 2014–2015 годов в Донбассе. Судьбу цивилизаций люди начали решать ещё тогда. Собственными судьбами и жизнями...

Книга написана на основе реальных событий.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-163298-4

© Александр Пересвет, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пересвет приехал на нашу войну в 2014-м. Луганск приходил в себя после страшного лета с блокадой, варварскими обстрелами и жаждой. Саша с ходу влился в работу, взяв на себя один из важнейших участков. Тогда же он и начал делать первые записи, что называется, по горячему. Наверное, я был первым профессиональным читателем этих текстов, выросших впоследствии в трилогию «Мститель Донбасса».

И вот именно в этой личной погруженности автора в драматическую историю нашей войны, непосредственное знание героев, процессов и причинно-следственных связей, эти процессы рождавших и этих героев направлявших, и есть причина жизненной силы его трилогии.

Отдельную достоверность повествованию придаёт своеобразный язык автора, тоже взятый прямо из жизни, из окопов, из войны, дающий такой эффект присутствия.

Не менее точно, вплоть до документальности, описаны политические перипетии тех событий: с противостоянием идеологий, с играми спецслужб, с разборками между собою властей и полевых командиров. Словом, с войной как продолжением политики и с миром как продолжением войны.

Книга жёсткая, подчас жестокая, но такова цена за смелость и правдивость автора, за правду — окопную и жизненную.

*Председатель правления Союза писателей ЛНР
Глеб Бобров*

Глава 1

Убивать было тоскливо.

Не тошно, не муторно, тем более — не страшно.

Тоскливо.

Как всегда, когда делаешь это не в горячке боя. Когда вот так, глядя в прицел и выжидая, чтобы человек по ту сторону прицела поудобнее для тебя подставился. И никуда не деться — ты обязан пользоваться удобным моментом, чтобы навеки приковать к земле зелёную фигурку в ночном целике.

А ведь живая душа всё же. Жалко душу-то...

Потому и тоскливо.

Нет, Алексей Кравченко, позывной Буран, доброволец и в данный момент командир диверсионно-разведывательной группы, не был гуманистом. Это было бы смешно на гражданской-то войне, да к тому же после всего, что он на ней успел повидать. После устроенной украинскими нацистами резни в Новосветловке, после Хрящеватого, после Славяносербска, с жуткой обстоятельностью убиваемого карателями из пушек... После разнесённых по камушку Сокольников. После трупов на улицах Луганска. После детей, разорванных прямым попаданием в дом, и ты их вытаскиваешь... Отдельно — маленькую ручку,

отдельно — тельце, отдельно — кудрявую головку, раздавленную, словно яйцо...

После истории с отцом...

Но... Как там у Сент-Экзюпери? Быть может, в каждом из них убит Моцарт? Вон он, по ту сторону прицела. Одно движение пальцем — и нет Моцарта! Без шуток. Человеку, может, не дали реализоваться, загнали в армию и поставили на этот блокпост. Ведь совсем недавно ещё, год назад, не думали эти ребята ни по ту сторону, ни по эту, что будут вынуждены стрелять. Стрелять, в общем, в своих же...

А может, то пэпээсник. Судя по данным разведки, — собственно, по данным, его же разведротой добытым, — тут сумские пэпээсники стоят. Менты. Что им на фронте делать? Совсем у Киева войск не осталось, что ли?

Короче, убивать одетых в военную форму мальчишек и мужичков было тяжело. Да, за все эти месяцы Алексей Кравченко уже научился видеть в них врагов. Но при всём том не мог избыть в себе мысли, что участвует в каком-то бесконечном бреде. Как хорошо, когда бы были это фашисты! Привычные, из кино, немецкие. Чужие. Говорят на чужом языке, грабят, насилуют, убивают. Совсем чужие. Не как эти вон, на блокпосту...

Но опять же... А чем нацисты из карательных украинских батальонов от тех, настоящих фашистов отличаются? Всё то же и творят. Убивают, грабят, насилуют. Причём не по приказу, а с жела-

нием. Ради идеи. Чтобы все жили в их проклятом украинском рейхе, словно сочинённом обдолбанным автором альтернативной фантастики. Где выбрали из истории всё антирусское и объявили это своей историей. Где нашли всех неудачников, всех предателей и сделали их национальными героями. И пошли убивать всех, кто с этим не согласен.

А когда им дали отпор, завизжали в несправедном гневе и начали мстить вообще всем без разбора. «Детям ватников», «самкам колорадов»... Как же, как посмели «ватники» воспротивиться их сверхценным идеям! Не понравилось, вишь, людям на Донбассе любить Бандеру и прислуживать своре захвативших власть конченных предателей.

За это — из пушек по жилым домам? Расстреливать людей за то, что не хотят жить с тобой в твоём нацистском раю?

Поэтому жалости к укропам не было. Была чёткая, осознанная, холодная ненависть. Это каратели. Сродни фашистам. Нет, даже не сродни. Фашисты и есть. И не охотится на них капитан Кравченко. Приводит в исполнение приговор, вынесенный убийцам Высшим судом. Раз уж суд человеческий им не грозит.

И всё же...

Всё же было б куда легче, если твёрдо знать, что вот сейчас по ту сторону прицела раскинет руки и ноги настоящий фашист. Из карательного

батальона. Из тех, кто жёг людей в Одессе. Кто расстреливал их в Мариуполе. Кто бил ветеранов на 9 Мая во Львове. Кто зиговал в честь Гитлера и распевал речёвки Бандере. А уж знать бы, что на блокпосту укропском сейчас ляжет тварь из того же поганого «Айдара», подонки из которого убили его отца! Таких не жалко.

Но сейчас от его, Алексея, руки, должен отойти на ту сторону бытия, которое уже Небытие, обычный, скорее всего, парень, призванный на войну хунтарным военкомом. «Кто послал их на смерть недрожащей рукой...» — или как там?

И вот поэтому было муторно. Словно помогает он, Алексей Кравченко, отставной русский офицер и капитан армии Луганской Республики, тому преступному, обслуживающему нацистов военкому. Помогает убивать обычных украинских ребят...

Но... надо. Для того чтобы группа прошла в тылы противника без обнаружения, нужно отвлечь всё внимание этого сборища укропов на блокпосту на себя. Чтобы они ловили атаку отсюда, обращая весь огонь — а главное, внимание приборов слежения — на группу Алексея.

Двоих бойцов — Шрека и Ведьмака — он послал по сторонам и вперёд. Чтобы стрелковкой имитировали картину атаки. Злого с Печенегом оставил несколько позади. Через одну, много две минуты противник определит, откуда стреляют

автоматчики. И придётся им отползать под ответным огнём. Вот тогда и вступит в дело пулемёт. Внимание на себя заберёт, да и автоматчиков прикроет.

Сам Алексей со своим «винторезом» был вторым резервом. Чтобы выцеливать и гасить особо рьяных стрелков противника.

Последним резервом должны стать миномёты, что сзади-слева ждут своей минуты. Вступят по сигналу. Под их «пакетами» украм станет не до выцеливания отползающих ребят. И тем более — не до разведгруппы, что будет в это время струиться по ямкам и канавкам в тыл врага.

Замысел наглый, конечно. Но практически безопасный. Командование, во всяком случае, одобрило.

За ним же, командиром разведывательно-диверсионной группы, и начало операции. Он должен был снять из винтовки часового. К которому, по идее, должны или броситься, или хоть подползти его товарищи. Вот тут и пойдут работать автоматчики. Чтобы навалить украм шухера по полной.

В ночной прицел видно было вполне прилично. Старикашка НПСУ-3 (мимоходом вспомнил, как хотел в Москве взять «Сентинел», да пожалел на это дело 37 тысяч) исправно давал мистическую зелёную картинку. Зима, поле. Бетон и мешки блокпоста. Тихо.

Вон и призрак человечка.

Алексей выбрал свободный ход курка и нежно, как вдолблено было бесконечными тренировками («...будто трогаете лепесток розы», говаривал в училище незабвенный майор с ухохотной фамилией Передистый), придавил запятую гладкого металла.

Зелёный призрак в прицеле дёрнулся и отвалился назад.

Алексей повёл жалом винтовки влево и вправо. Никого. Спит доблестное воинство укропское. И то! Тяжеловато им пришлось в последние сутки. Стреляли по ним много и со вкусом. Добились, конечно, не так много, как хотелось бы. Но это — как обычно. Огонь миномётов — штука довольно-таки неточная. Для хорошо врывшейся в землю и прикрывшейся сверху бетоном пехоты эффект разве что беспокоящий. Даже и от РСЗО. Которые были столь страшным оружием во времена Великой Отечественной войны, а ныне, в общем, бьют больше по психологии, нежели... нежели по делу. Если ты, правда, стоишь не в чистом поле...

Но психология — тоже штука важная. Вон он, утомившийся за день укроп. Почивает, пользуясь тишиной. И второй часовой, видно, тоже спит, собака. Иначе должен был бы поинтересоваться, что там грянуло у товарища. А грянуть должно было, хоть ничего из происходящего на блокпосту Алексею слышно, естественно, не было. Отлетел каратель чисто, автоматом и бреником за-

греметь должен был. На чём и строился расчёт завалить и второго часового, который кинется глянуть, что там с первым. А там и автоматчики в дело пойдут...

На войне как на войне. Она давно перестала быть приключением для мальчишек что с этой, что с той стороны. Работа. Подчас даже скучная. Всегда — тяжёлая. Всегда — грязная. Но — работа. Затягивающая. Как курение.

Тут Алексей поймал себя на мысли, что нарисовалось слишком много времени, чтобы порассуждать о том, о сём. Потому как на блокпосту сохранялось спокойствие. Не бросился второй часовой к первому. То ли действительно спит, то ли опытный оказался. Не ведётся на старые фокусы.

Нет, тогда бы он тревогу всё равно поднял. А у противника тихо. Да только от того не легче. Если бы лично там быть, да в ножи брать, тогда самое то! Часовых приголубил, в блиндаж гранату сунул — все довольны. Кому положено — на небесах, по нацикам черти лапки потирают, ты дальше по делам.

Но к этим так не подберёшься. Давно стоят, выросли. Оборудовались. Растяжки в нужных местах. Часовые с ПНВ. И не факт, что нет у них более хитрых приборчиков. В последнее время появились у них современные устройства для охоты на человека. Настроили автоматику, разведчик и не поймёт, что его уже засекли. А его проводят

до удобного места и там или повяжут, или пристрелят.

Отсюда — план от противного. Надо их, наоборот, возбудить! Чтобы гляделками всякими поменьше по степи лазали. Должен быть такой ад, чтобы вся автоматика сбоила, чтобы всем не до неё стало! Слишком важная была на этот раз задача у разведчиков — не обычная ДРГ в тыл просачивается.

Алексей вздохнул. Нет, пора что-то делать.

Он четырежды щёлкнул по рации — два через промежутки, два коротких. Начальные такты похоронного марша. Два щелчка в ответ — принято. Где-то слева должны сейчас завозиться приданные миномётчики, готовя сюрприз для спящих укров. Или не спящих, а хитрых. Впитавших гибель часового, но не желающих показывать тревогу, чтобы преподнести свой ответный сюрприз атакующим. Пэпээсники ведь хоть и не военные, но по-ментовски хитрые, с вывертами.

Хлопки выстрелов слышны не были — километра полтора до батареи, да и ветерок в её сторону. Зато характерный свист подлетающих мин звучал вполне отчётливо даже за триста метров от блокпоста. Укропы там сейчас просыпаются в холодном поту, судорожно ища, куда бы спрятаться.

В принципе, если опытные и наружу выскакивать не будут, ничего им не грозит. Ну что мины укрытым в бетонном бункере солдатам сделают? Группе Бурана придали всего три «Подноса». И то

хорошо, но для укрытых в блиндажах людей это ни о чём. Реального убойного толка не будет. Так, несколько минут неприятностей.

Поэтому с миномётчиками договорились попытаться подловить укров «на бзду». Положить обычную серию в восемь выстрелов из одного миномёта, сделать обычную же паузу. Ту, что уходит на передислоцирование. Как правило, противник это учитывает. И эти 5–10 минут использует для более полноценного укрытия или для отхода.

Но сейчас решили, что через три минуты после завершения первой серии, когда укры начнут оживать, ударит второй ствол. С той же серией. А потом, через ту же паузу, — третий. В третьей стороне. Поиграем с противником. Пусть он побздит, не понимая, чего ждать дальше. Полежит тихонько под укрытием. А миномётчики за это время будут передвигать на новые позиции по очереди. Не Бог весть, конечно, тактический приём. Ну, так нам и не минную дуэль устраивать.

Нам важно, чтобы наши за это время успели просочиться через самый опасный участок. Идти им потом далеко, аж до Лисичанска и Северодонецка, будут там дела в аэропорту. Главное, чтобы о них у противника и представления не было.

Это была просьба тех, кому лишний раз не отказывают. Коллеги, тоже разведка, только из МГБ. Что-то надо ребятам добыть, чего ни агентства, ни сочувствующие гражданские исполнить